

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

*В. ШЛЯПЕНТОХ,
доктор экономических наук,
профессор социологии,
Мичиганский государственный университет*

ЕГОР ГАЙДАР - МАРКСИСТ?!

(о книге Е. Гайдара "Долгое время")*

Каждая большая публикация Е. Гайдара, видного российского экономиста, одного из крупных реформаторов XX в., несомненно, заслуживает особого внимания. И первое, что бросается в глаза при знакомстве с его новой книгой "Долгое время", это — радикальная перемена в отношении Гайдара к Марксу и его теории, особенно по сравнению с книгой "Государство и эволюция"¹. В опубликованной в 1995 г. монографии Гайдар был весьма суров к основателю "научного коммунизма" и использовал весь свой сарказм, критикуя Маркса. Тогда с некоторыми оговорками (называя Маркса "крупнейшим мыслителем и блестящим публицистом") Гайдар ассоциировал Маркса с "вождями наиболее крупных разрушительно-революционных движений", такими, как Бакунин, Ленин, Троцкий, Муссолини, Сталин и Гитлер. Оценивая теорию Маркса, он писал: "...Маркс проанализировал ситуацию с точностью до наоборот"².

Какая разница по сравнению с новой книгой, в которой Маркс просто доминирует в теоретических выкладках Гайдара! Именно в этой книге Гайдар вернулся к тому уважительному отношению к автору "Капитала", которое было характерно для его последней большой публикации в советское время — "Экономические реформы и иерархические структуры"³. Впрочем, возврат Гайдара к его старому, "советскому" отношению к Марксу начался уже в его книге "Аномалии экономического роста"⁴, опубликованной в 1997 г. Объяснение в любви к Марксу, правда, не распространяемой на его веру в коммунизм, носит еще более горячий характер в статье Е. Гайдара и В. Мау «Марксизм: между научной теорией и "светской религией"», появившейся на страницах "Вопросов экономики" в 2004 г.⁵

В новой книге Гайдар трактует Маркса как главный источник своего теоретического вдохновения, позволяя себе, конечно, как и любой почитатель Маркса на Западе, критические замечания по поводу некоторых элементов марксистского наследия (с. 64). Доказывая, что сейчас в постсоветской России вполне прилично хорошо относиться к Марксу, он цитирует известных западных ученых, восхваляющих Маркса, — Й. Шумпетера, Ф. Броделя, Дж. Хикса и Д. Норта.

* Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

¹ Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995.

² Там же, с. 31, 30/

³ Гайдар Е. Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990.

⁴ Гайдар Е. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997.

⁵ Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и "светской религией" (либеральная апология). — Вопросы экономики, 2004, № 5, 6.

Более того, Гайдар использует учение Маркса — яростного критика капитализма, предсказывавшего его крах, для защиты капитализма в своей стране. Немало выдающихся экономистов выступали адептами капитализма — от Ф фон Хайека и Л. фон Мизеса до М. Фридмена. Однако ни один из них не использовал экономическую теорию Маркса для воспевания капитализма или либертарианства; они вряд ли бы согласились с рассуждениями Гайдара и Мау о "либеральном марксизме"⁶ — воистину *contradictio in adjecto*, определение типа "сухой воды". (Это похоже на то, что предпринял А. Чубайс, попытавшийся ввести в обиход оксюморон "либеральная империя")

Главное содержание книги можно охарактеризовать одним предложением — Гайдар благоволит к экономическому детерминизму как орудию социального анализа даже сильнее, чем это делал сам Маркс, если оценивать марксово наследие в целом. Гайдар использует также и другой вполне эквивалентный термин — "экономический материализм", который он, как видно из книги "Аномалии экономического роста", рассматривает в качестве "мощного аналитического и прогностического средства" для изучения "современных обществ", которые все переживают "переходные процессы", не указывая, однако, когда эти процессы закончатся⁷. Известно, что существуют два вида экономического детерминизма (или экономического материализма) — "мягкий" и "жесткий". Первый вид трактует социальные структуры и культуру как продукт экономической организации общества. Второй вид сводит все главные трансформации в обществе к прогрессу производства и технологии. Гайдар, очевидно, склоняется к "жесткому" виду "экономического детерминизма".

Маркс полагал, что развитие производительных сил зависит исключительно от состояния производственных отношений, но не доказывал в своих основных работах, что уровень развития производительных сил напрямую влияет на все главные элементы общества. Он утверждал, что влияние производительных сил на общество осуществляется через взаимодействие между "базисом" (производственные отношения) и "надстройкой" (политика, культура, идеология, и религия).

Гайдар и Мау не разграничивают эти две теоретические парадигмы Маркса. В "Аномалиях экономического роста" Гайдар утверждает: "Масштабные изменения в производительных силах ...обуславливают изменения в .. развитии культуры"⁸. В упомянутой выше статье без всяких оговорок авторы повторяют то же самое: "Подтвердился тезис о влиянии производительных сил на характер экономических и политических институтов"⁹. Смещение этих двух парадигм тем более удивительно, что в статье цитируется знаменитое кредо Маркса из его "Критики политической экономии", которое не оставляет сомнения в том, что он их строго разграничивал¹⁰.

Для оценки того, что Маркс называл уровнем развития производительных сил", Гайдар использует показатель среднедушевого ВВП ("лучший параметр" — с. 75). Он трактует его как главную независимую переменную, которая определяет развитие общества и его политической структуры. Рецензируемая книга полна таблиц, в которых ВВП на душу населения сопоставляется с различными социально-экономическими индикаторами, среди которых уровень развития демократии, качество образования, доступ к информации, отношение государственных затрат к национальному доходу (с. 121, 123, 288, 289, 333, 350). Тем не менее в работе нет никаких доказательств причинно-следствен-

⁶ Вопросы экономики, 2004, № 6, с. 56.

⁷ Гайдар Е. Аномалии экономического роста, с. 19-21.

⁸ Там же, с. 19-20.

⁹ Вопросы экономики, 2004, № 6, с. 36.

¹⁰ Вопросы экономики, 2004, №5, с. 12-13.

ных отношений между величиной дохода на душу населения и теми переменными, которые он приводит в таблицах. Гайдар уверен, что доход на душу населения является независимой переменной, в то время как другие — зависимыми.

Между тем многие исследователи, не отрицая воздействия экономического роста на "надстройку" общества, показали, что в конечном счете дело обстоит скорее наоборот: уровень дохода является следствием действия самых различных факторов. Подобные работы не оставляют камня на камне от важнейшего марксистского тезиса, полностью воспринятого Гайдаром: динамика производительных сил определяется *только* существующими производственными отношениями. В действительности, не отрицая ни в коем случае важность экономической организации общества, современная наука указывает на огромную роль ряда факторов, находящихся вне "производственных отношений", таких, как открытость страны, международная торговля и протекционизм, географические и демографические особенности, уровень социального неравенства и, конечно же, политический режим, авторитет государства, отношение населения к институтам власти.

Используя данные по различным странам, Гайдар с присущей ему безапелляционностью не выражает никакого беспокойства по поводу сложности межстранового анализа, обусловленной характером причинно-следственных связей между отдельными переменными, изоляцией одной переменной от другой и статистической надежностью результатов. Какой невыгодный контраст книги Гайдара с недавно опубликованной книгой Е. Хелпмана с характерным названием "Загадка экономического роста"¹⁰ ! Автор после обзора современной литературы по вопросам экономического роста призывает коллег рассматривать полученные результаты "с большой степенью осторожности и скромности".

Гайдар демонстрирует всю глубину своего экономического детерминизма, когда анализирует историю XX в. Объясняя "состоявшиеся" и "несостоявшиеся" социалистические революции, он трактует только уровень душевого ВВП как главный фактор успеха революции, или, как он элегантно формулирует, "начала социалистического эксперимента". В таких странах, как Россия, Китай, Вьетнам и Югославия, революции были успешными, а ВВП на душу населения был низким. Напротив, во Франции, Баварии, Венгрии и Испании, где ВВП на душу населения был высоким, революции провалились (с. 288-289).

Логика объяснения удач или неудач революций ссылкой на уровень душевого дохода кажется весьма странной. Ведь в согласии со столь любимой Гайдаром формулой о конфликте производительных сил и производственных отношений как причине любых преобразований именно *высокий*, а не низкий уровень душевого дохода, будучи показателем уровня развития производительных сил должен толкать общество к пересмотру производственных отношений. Это Ленин, по сути отвергнув марксистскую формулу, столь почитаемую Гайдаром, объявил (и был прав), что страны с низким уровнем производительных сил будут в авангарде революционного процесса. Более того, предполагая, что революции в странах с низким доходом создают новые производственные отношения, Гайдар затем декларирует, что во всех них произошел "выкидыш" — они "разродились" неправильными социалистическими отношениями, что необходимо было исправить как можно скорее!

Впрочем, конфликт между производительными силами и производственными отношениями, нараставший, как утверждает Гайдар, в последние десятилетия "индустриального социализма" (с. 362) и превратившийся в "полномасштабную социальную революцию" (с. 365), также привел к возникновению новых,

¹¹ Helpman E. The Mystery of Economic Growth, Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

но "не вполне правильных" производственных отношений, в структуре которых отсутствуют эффективные социальные институты, включая такие, как судебная система и банки (с. 365-372). А без них новые "производственные отношения" теряют способность доказать свое преимущество перед "старыми", то есть плановой экономикой со всеми ее "ужасами"! Естественно, Гайдар предлагает читателям, не уверенным в возможности построения "реального капитализма" в России в исторически обозримое время ("в далеком будущем мы все мертвы", заметил Кейнс), подождать завершения "переходного периода" для того, чтобы убедиться в том, что новые производственные отношения в России очень хороши.

Впрочем, Гайдар и Мау сами наносят смертельный удар по тому, что они считают сутью марксовой "теории экономической истории", "актуальным компонентом" наследия Маркса. Они объявляют: "...Различные страны, находящиеся примерно на одном и том же уровне развития производительных сил, могут характеризоваться различными общественными формами"¹². Но в то же время они отмечают: "...Важнейший тезис марксизма состоит в том, что производительные силы (или технологический базис) общества определяют его производственные отношения..."¹³.

Жесткий экономический детерминизм не позволяет Гайдару выявить истоки советского тоталитарного государства и командной экономики. Выбор экономических моделей в послереволюционной России, по его мнению, сводился к "альтернативе частного и государственного накопления" (с. 303) Это — очень поверхностное объяснение, искажающее всю глубину советской драмы. Гайдар полностью игнорирует тесную связь советской индустриализации и геополитических/идеологических задач советского государства, которое с самого начала своего существования было озабочено защитой режима против иностранных угроз и внутренних врагов, а также желанием увеличить свое влияние в мире. Данные цели Сталин никогда не скрывал от народа. Кстати, цитирование высказываний Сталина периода индустриализации были бы более полезным для читателя, чем ссылки на Маркса.

Гайдар много размышляет о военных проблемах Римской империи, о военных реформах в Европе в Новое время, не забывает и о Наполеоне, и о эволюции прусской армии после поражения в Иене, и о ситуации в американской армии после гражданской войны. Однако, описывая экономическую трансформацию в своей собственной стране, он почти полностью игнорирует тот факт, что милитаризация общества была главной целью политики государства. А ведь именно она оказывала решающее воздействие на экономику, политическую организацию, культуру, образование и все другие сферы общественной жизни. Гайдар лишь вскользь упоминает о роли армии и милитаризации общества (с. 319, 363, 375). Трудно поверить, но в книге нет ни слова ни о военно-промышленном комплексе (знаменитом ВПК) — главном наследии советской экономики, ни о конверсии военного сектора как основной проблеме российских экономических реформ, начатых самим автором. Вместе с тем он находит место для рассмотрения экономического бремени "освоения Севера", оставшегося с советских времен (с. 373).

Неудивительно и то, что автор, видимо, очень далек от признания социалистического проекта с его общественной собственностью, централизованным планированием и коллективизмом — прекрасным орудием реализации националистических устремлений во всех социалистических странах (не только в России, но также и в Китае, Вьетнаме, Северной Корее, Кубе и даже в некоторой степени в Израиле). Разумеется, социалистическая модель была почти

¹² Вопросы экономики, 2004, № 5, с. 18, см. также № 6, с. 33.

¹³ Вопросы экономики, 2004, № 6, с. 28-29.

идеальной для мобилизации ресурсов в целях быстрого увеличения военного потенциала страны. С учетом этого вывод о том, что социализм является "крупнейшей аномалией в современном мировом социально-экономическом процессе" (с. 379) или "провалившимся экспериментом", служит хорошим примером антиисторического подхода, который так сильно критиковал (и часто справедливо) Маркс. До сих пор многие историки на Западе уверены в том, что сталинская жестокая индустриализация помогла России одержать победу над нацистской Германией.

Гайдар серьезно недооценивает политические факторы при анализе не только генезиса советской плановой системы экономики, но и ее распада. Объясняя причины гибели Советского Союза, автор использует опять ту же парадигму: "...Сформировавшиеся в ходе социалистической индустриализации производственные отношения стали препятствием на пути развития производительных сил" (с. 330). Трудно поверить, но он смешивает факторы, инициировавшие перестройку, с теми, которые напрямую привели к распаду советского общества. Гайдар не делает различия между состоянием советской экономики в 1985 и 1990 гг., хотя они радикально отличались друг от друга. Раздел под названием "Крах социалистической экономики" являет собой беспорядочный набор фактов из двух совершенно различных периодов: одного, когда функционировала "нормальная" социалистическая экономика, и другого, когда она была в стадии деградации, но не из-за "производственных отношений", неадекватных производительным силам, а потому, что Кремль уже встал на путь разрушения всех основных институтов советской системы. В таблице, иллюстрирующей национальный долг, Гайдар совмещает данные 1981 и 1984 гг., во время которых долг был сравнительно мал, с данными 1989 г., когда долг стал весьма велик. Говорить о тенденции, характеризующей эти два периода из-за огромной разницы между ними, методологически недопустимо (с. 344). Более того, он в двух блестящих статьях в "Правде" в начале 1991 г. (я их прочитал тогда с огромным интересом), а также в заключении к своей книге "Экономические реформы и иерархические структуры" (1990 г.)¹⁴ показал, как инфляция, вышедшая полностью из под контроля правительства и при этом вызванная его решениями, почти разрушила к концу перестройки экономику.

В 1980-х годах начался постепенный спад темпов экономического роста, ставший потом очень серьезным. Но ни одна экономика в истории не погибла из-за снижения темпов экономического роста. Постсоветская экономика перенесла катастрофический спад абсолютного объема производства (почти в два раза)¹⁵, который, однако, не закончился летальным исходом ни для экономики, ни для страны. Настаивая на том, что к 1985 г. советские производственные отношения были неадекватны производительным силам, Гайдар оперирует по сути только одним аргументом: "К середине 1980-х Советский Союз оказался страной, в высокой степени зависимой от конъюнктуры рынка энергоносителей" (с. 344). Как он может утверждать это в 2005 г., когда Россия с ее новыми *несоциалистическими* производительными силами зависит от цен на нефть и газ по крайней мере в *той же степени*, что и Советский Союз?

Нет никакого сомнения, что советская централизованная экономика к 1985 г. стала намного менее эффективной, чем рыночные экономические системы развитых стран. Но она всегда (а не только в последний, предперестроечный период, как утверждает Гайдар — с. 363) отставала от Запада и в технологическом прогрессе, и в качестве товаров широкого потребления. Тем не менее советская экономика все же сыграла большую роль в стимулирова-

¹⁴ Гайдар Е. Экономические реформы и иерархические структуры, с. 196—208

¹⁵ Там же, с. 381.

нии перестройки, но не потому, что она не удовлетворяла потребительским запросам населения, а из-за постоянного технологического отставания и малого объема. Советская экономика не смогла поддерживать гонку вооружений, ускоренную Рейганом. Горбачев вышел на политическую арену как лидер, попытавшийся улучшить состояние экономики и сохранить военный ритет с Соединенными Штатами. Этого сделать не удалось, и он перешел к осуществлению радикальных реформ, которые и погубили советскую систему

Гайдар очень далек от объективной, основывающейся на эмпирике оценки состояния советского общества накануне перестройки, объявляя, что страна была похожа на "сеновал", готовый вспыхнуть от "поднесенной спички". Где же были те политически реальные угрозы режиму, которые создавали атмосферу готового вспыхнуть сеновала? Гайдар не приводит ни одной из них, кроме общих заявлений о факторах, никак не создававших реального (а не абстрактного) давления ни Кремль (типа роста доли образованного городского населения или "усиливающейся эрозии идеологического монолита"). Уж совсем странно выглядит туманная ссылка на такую причину перестройки, как "экспансия в восточноевропейские страны, население которых находилось под сильным влиянием западной культуры" (с. 364), словно падение Берлинской стены было не *результатом* перестройки (немцы вообще до 1989 г. надеялись на воссоединение только в XXI в.), а одним из событий, *подтолкнувших* Горбачева к гласности. Совершенно естественно, что именно экономическим материализмом Гайдара объясняется переоценка универсальных тенденций и *недооценка* специфических особенностей отдельно взятого общества. В "Аномалиях экономического роста" он даже рассуждает о "нормативных мировых значениях" национальных траекторий экономического развития".

Ни в коем случае я не хочу упрекнуть Гайдара за его уважение к Марксу. Я считаю, что нужно быть выше новоявленных антикоммунистов и антимарксистов, критикующих Маркса как автора "бессмысленных и вводящих в заблуждение текстов"¹⁷. По моему мнению, Маркс — один из величайших мыслителей в истории человечества. Нет никакого сомнения, что его идеи о роли экономики и технологического прогресса в развитии общества, а также о роли материальных интересов в человеческом поведении стали крупным вкладом в экономическую науку (как и некоторые другие его идеи, особенно в области социологии). Однако увлечение Марксом сослужило автору "Долгого времени" плохую службу. Нет сомнения в том, что марксистские постулаты о роли производительных сил и производственных отношений и о их взаимодействии не лишены смысла, как и некоторые другие элементы марксизма, например, трудовая теория стоимости. Однако сегодня используемые в том виде, в каком их рекомендует Гайдар, они выступают устаревшим орудием анализа. Гайдару не только не удалось их реабилитировать, он снабдил критиков Маркса дополнительными аргументами.

Используя в названии своей книги выражение "longue duree" ("длинные периоды") — известный термин Ф. Броделя, известного вместе с его школой *ecole portale* своим широким взглядом на историю человечества, Гайдар, видимо, полагает, что в своей книге он идет по его стопам. Однако он этого не сделал. Только когда Егор Гайдар, человек, отлично образованный и хорошо знакомый с западной литературой (в своей книге он цитирует приблизительно 700 зарубежных авторов), несколько освобождается от оков марксистской монистической структуры мышления, он развивает интересные идеи. Впрочем, и в любом случае Гайдар написал спорную, но очень интересную книгу

¹⁶ Гайдар Е. Аномалии экономического роста, с. 40-41.

¹⁷ См., например: Яковлев А. Интервью радиостанции "Свобода", 9.06.05